
ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 316.35.48

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПАТТЕРНОВ ЛОКАЛЬНОГО ЭТНОЭКОНОМИЧЕСКОГО КОНФЛИКТА В СТАВРОПОЛЬСКОМ КРАЕ И КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕССКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

© 2008 г. А.А. Санглибаев¹

В статье рассмотрены причины межнациональных конфликтов на Северном Кавказе. Акцент сделан на особенностях конфликтов, связанных с земельными отношениями. Показана многоуровневая детерминация локальных конфликтов.

Ключевые слова: межнациональные конфликты, Северный Кавказ.

Последовавший за коллапсом советских политических и административных структур фактический распад единого народно-хозяйственного комплекса страны оказал глубокое влияние не только на социально-экономическую сферу, но и на межнациональные отношения. Изменение институциональных основ, экономический кризис, стагнация производства, массовые миграции трудоспособного населения в значительной степени содействовали углублению экономической и социальной стратификации общества, усилению роли этнопрофессионализма, а также резкому снижению уровня материального обеспечения подавляющего большинства населения России. В немалой степени такая ситуация катализировала межэтнические противоречия, в особенности в полиэтничных регионах, принявших на свою территорию большое количество мигрантов из бывших советских республик, что, в свою очередь, увеличило нагрузку на социальную сферу и коренным образом изменило рынок труда. Обострившаяся конкуренция за рабочие места и средства производства, особенно в аграрных регионах, где таковыми в первую очередь являются земли сельскохозяйственного назначения, послужила в определенной степени толчком для агрегации людей по этническому признаку и обострению этноэкономического соперничества.

Одними из таких регионов являются Ставропольский край и Карачаево-Черкесская Республика. Население обеих территорий является в полной мере полиэтничным сообществом. Так,

на территории края проживают представители более 100 этносов; почти половина жителей региона (44%, согласно результатам Всероссийской переписи населения 2002 года) проживает в сельской местности.

Карачаево-Черкесская Республика является не только полиэтничной (более 80 национальностей по итогам переписи населения 2002 г.) территорией, но и субъектом федерации, в котором нет численного доминирования одной из этнических групп. Как показали итоги переписи населения 2002 года, за прошедшие после распада Советского Союза годы этническая карта республики подверглась значительной трансформации, основной чертой которой явилось изменение соотношения двух доминирующих этнических групп Карачаево-Черкесской Республики: русских и карачаевцев. Так, если в 1989 г. русские составляли самую крупную группу населения республики (175 931 чел., или 42,4%), то к 2002 г. они переместились на вторую позицию (33,6% населения, или 147 878 чел.). Самым многочисленным этносом Карачаево-Черкесской Республики (38,5% населения республики) по данным переписи 2002 г. оказались карачаевцы (169 198 чел.), на третьем месте по численности черкесы – 49 591 чел., или 11,16% населения республики, затем идут абазинцы, которые составили 32 346 чел., или 7,4% и ногайцы – 14 873 чел., или 3,40% [1].

СТАВРОПОЛЬСКИЙ КРАЙ

С 1995 по 2004 г. в Ставропольском крае зафиксирован ряд конфликтов между представителями различных этнических групп; одним из

¹ Администрация Президента Карачаево-Черкесской Республики; 369000, Карачаево-Черкесская Республика, Черкесск, Дом правительства, тел./факс 8 (87822) 5-05-38.

основных конфликтных очагов являются восточные районы края [2], к которым относятся Нефтекумский, Туркменский, Левокумский, Степновский, Арзгирский и Курский муниципальные районы. Восточные районы Ставрополя являются производителями аграрной продукции, специализирующиеся на растениеводстве (хотя большая часть этих районов входит в зону рискованного земледелия) и скотоводстве (преимущественно овцеводстве), так что основной темой для конфликтов является землевладение и землепользование. Особый интерес для анализа представляют конфликты, связанные с поземельными отношениями, во-первых, по причине большей частоты и массовости конфликтных действий, во-вторых, из-за того, что объектом конфликта выступает средство производства, а субъектами – сообщества, идентифицирующие себя и оппонентов главным образом по этническому признаку.

Как показывает статистика, чаще всего фиксируются противоречия и столкновения между ногайцами и даргинцами, а также даргинцами и русскими. Наиболее показательна в этом отношении ситуация в Степновском районе края, этнические конфликты в котором составляют предмет обсуждения в настоящей статье, хотя для полноты анализа ситуации привлекается материал из других районов восточной зоны Ставрополья.

Степновский район в составе Ставропольского края был образован чуть более 35 лет назад – в 1972 г., численность населения – менее 25 тыс. человек, средняя плотность населения ~1,3 человека на 1 км². В районе численно доминируют три этнические группы – русские (казаки), ногайцы и даргинцы. Ногайцы являются автохтонами территории и наряду с русскими составляют костяк старожильческого населения района. Даргинцы в заметных количествах появились на территории района с 1950-х годов. Даргинцы и ногайцы исповедуют ислам суннитского толка, русские (казаки) в подавляющем большинстве – православное христианство.

Степновский район входит в число восточных районов Ставрополья, территории, окаймляющей край со стороны горских республик – Чечни и Дагестана, выходцы из которых заселяют восток края. Все они граждане России, но их пример наглядно показывает, какие экономические проблемы возникают при контактах разных этносов в сельском хозяйстве. Приток этих мигрантов на территорию Ставропольского края вызван относительным аграрным перенаселением соседних республик, недостатком земли в них

(особенно в горных районах), безработицей и низким уровнем жизни.

Среди манифестных проявлений конфликтов можно выделить следующие.

1. В 1999 г. в селе Иргаклы Степновского района произошла драка между ногайцами и даргинцами. В столкновении участвовало около 500 человек. При этом ногайцы выдвинули требование отстранить от руководящих должностей в местном хозяйстве даргинца, начальника поселковой милиции и других должностных работников той же национальности, обосновывая это тем, что начальник цеха животноводства АО «Иргаклинское» О. Ибрагимов осуществляет незаконные сделки с зерном, горючим, развалил молочное животноводство, нарушает нормы содержания овец на кошарах и что на 90% кошар предприятия работают даргинцы, а ногайцы лишены не только права на работу, но и на землю [3]. Конфликт, произошедший в том же году в селе Кара-Тюбе Нефтекумского района, также обусловлен требованиями ногайцев по отношению к даргинцам, занимающим определенные хозяйственные должности.

2. В январе 2000 г. у села Махмуд-Мектеб Нефтекумского района для выяснения отношений после ранее произошедших столкновений собралось около 100 ногайцев и более 50 даргинцев. На требование прибывшей милиции разойтись пришедшие не реагировали, а часть собравшихся предприняли попытку завязать драку. Для ее пресечения сотрудники милиции использовали автоматическое оружие, стреляя в воздух. Толпа была рассеяна по полю.

3. В ноябре и декабре 2001 г. между даргинцами и казаками произошли массовые открытые столкновения в селе Зеленая Роща и в селе Соломенском Степновского района.

4. 10 мая 2003 г. в селе Ольгино Степновского района во время дискотеки произошла драка между даргинцами и русскими. В стычке участвовало несколько групп по три-четыре человека. Сотрудники милиции драку остановили, но в ходе инцидента получил ранение Г. Хижняк – житель села Зеленая Роща. Ему оказали помощь в Степновской районной больнице и отпустили домой.

Для предотвращения дальнейших противоправных действий руководством района были организованы переговоры с участием прокурора района, главы администрации села, представителей кавказских диаспор, руководства и личного состава местного отдела внутренних дел. Результатом переговоров стало решение об организации совместной охраны общественного по-

рядка в селе под руководством милиционеров представителями диаспор и казачества. Главе Ольгинской сельской администрации было указано на недопустимость проведения культурно-массовых мероприятий без ведома и контроля правоохранительных органов. Несколько дней в Ольгино и Зеленой Роще имели место митинги, разговоры, выяснения отношений. Правоохранительным органам удалось добиться относительной стабилизации обстановки [4].

5. 29 августа 2004 г. ночью на одной из улиц села Степного Степновского района Ставропольского края была предотвращена попытка массовой драки между группой дагестанцев и казаков общей численностью около 80 человек. Однако в ходе короткой стычки один из казаков, житель села Зеленая Роща 1979 г.р. получил травму и в бессознательном состоянии был доставлен в больницу, где впоследствии скончался. Поводом для выяснения неприязненных отношений между молодыми людьми русской и дагестанской национальности послужила состоявшаяся днем ссора на местном водоеме. Как показала судебно-медицинская экспертиза, смерть пострадавшего наступила в результате ушиба ствольного отдела головного мозга [5].

В июне 2004 г. казаки организовали голодовку с целью добиться отставки главы Степновской районной государственной администрации В. Прилепко. Основные претензии к главе района были следующие: «Вокруг наших селений распроданы за бесценок все земли, и теперь людям приходится ездить на свои участки за 15–20 километров от дома. По нашим сведениям, гектар родной земли отдали чужакам в аренду на пять лет всего за один рубль шестьдесят две копейки» [6]. Продолжавшаяся несколько недель акция, несмотря на значительный общественный резонанс, не принесла ожидаемых казаками результатов – В. Прилепко оставался на занимаемой должности еще некоторое время и получил отставку от губернатора края лишь осенью 2004 г.

Приведенные факты свидетельствуют о том, что в течение 1999–2004 гг. в одном из наиболее малолюдных районов края почти каждый год происходили массовые конфликты на основе межэтнических противоречий, причем в противостоянии участвовали представители трех основных этнических групп района. Конфликтная ситуация осложняется недоверием определенной части населения по отношению к местной власти и переходом в открытую конфронтацию с ней как к субъекту конфликта, неявно содействующему одной из сторон. Примечательно, что пал-

лиативные решения властных структур и правоохранительных органов с целью урегулирования конфликта однозначно содействовали его эскалации, так как ни одна из сторон не была удовлетворена вмешательством властей.

Формирование этноконфликтной напряженности в восточных районах края и в частности в Степновском районе, имеет давнюю историю. С начала 1960-х годов решением Совета Министров СССР Ставропольский край был определен в масштабах всей страны как основной производитель высококачественной шерсти. Для развития материально-технической и научной базы производства шерсти в крае создавались племсовхозы, НИИ овцеводства, шерстомойная фабрика, интенсивно наращивалось поголовье овец. В связи с недостаточностью рабочей силы по уходу за овцами на союзном уровне было принято решение о привлечении чабанов с семьями из Дагестана, в основном даргинцев. Данное решение было оформлено в виде постановления Совета Министров СССР от 28 мая 1954 года № 1023 «О закреплении за колхозами зимних пастбищ госфонда «Черные земли» и «Кизлярские пастбища». Целью принятия документа было «устранить дальнотерье и чересполосное пользование». В результате перехода прав землепользования расположенные в административных границах Ставрополя отгонные пастбища – 61,4 тыс. гектаров – были «закреплены навечно» (формулировка документа) за 24 колхозами Буйнакского, Каякентского, Дахадаевского и Кулинского районов Дагестанской АССР.

До начала 1990-х годов в крае сложилась достаточно эффективная система выращивания овец, которая оптимально задействовала определенную профессиональную ориентацию этносов Ставрополя. Русские и часть ногайцев занимались выращиванием кормов, даргинцы – выпасом овец. В таких условиях разделения труда экономические и социальные ниши указанных этносов практически не пересекались, соответственно оснований для возникновения этноэкономических противоречий не возникало.

Ситуация резко изменилась с началом экономических и социальных реформ в 1990-х годах. Проблемы трудовых мигрантов и занятости местного населения значительно обострились при переходе агропромышленного комплекса южнороссийских регионов к рыночным методам хозяйствования. В сельском хозяйстве юга России начался передел собственности и переход на более рентабельное растениеводство. Нередко инвесторы, решившие вложить капитал в сельскохозяйственное производство, стремились в пер-

вую очередь избавиться от убыточного животноводства, что приводило не только к росту безработицы, но и к разрушению складывавшегося десятилетиями жизненного уклада населения животноводческих районов. Те предприятия, которые не смогли оперативно наладить производство имеющей устойчивый сбыт продукции, оказались не способны оплачивать труд постоянных работников и были вынуждены нанимать временных мигрантов, соглашавшихся выполнять ту же работу, пусть не с требуемым качеством, но за гораздо меньшую плату. Все это приводило к дальнейшему повышению уровня реальной безработицы местного населения в крупных сельских поселениях Юга России.

На усиление этнической напряженности в южных регионах значительно повлияло решение о введении земель сельскохозяйственного назначения в коммерческий оборот. По сути, это решение превратило землю в объект посягательства, что в условиях Северного Кавказа не могло не оказать влияния на межэтнические отношения [7]. Исторический опыт свидетельствует о том, что земельный вопрос на юге России всегда был болезненной проблемой, достаточно вспомнить, например, борьбу ставропольских казаков с «иногородними» в XIX – начале XX века, которая подчас принимала весьма ожесточенный характер. После раздела земли первыми поселенцами все вновь прибывающие сталкивались с настороженным и нередко враждебным отношением, хотя по специальному согласию «общества» и им могли выделить землю. Из них вырос огромный контингент, названный потом «иногородними», т.е. не имеющими прав на землю. Иногородние работали у владельцев земли, так как летом рук не хватало, многие занялись торговлей и ремеслами. К 1904 году в Ставропольской губернии их было столько же, сколько казаков, то есть 1,2 млн человек [8].

Как известно, исторически сложившаяся проблема большинства горских народов – это малоземелье. Сельскохозяйственные земли на Кавказе выступали в качестве важнейшей ценности, переселение горских народов на плодородные равнины было во многом обусловлено именно стремлением закрепить за собой наиболее пригодные для ведения сельского хозяйства территории. В массовом сознании земля становилась одной из основных ценностей, имеющих не только материальное, но и глубокое символическое значение. Как отмечают А.В. Авксентьев и В.А. Авксентьев, «земля – это важнейший этнический символ, средство этнической мобилизации» [9].

Потомки кипчаков (куманов), ногайцы по образу своей хозяйственной деятельности могли быть охарактеризованы как подвижные скотоводы. В 1870–1880-х гг. ногайцы стали оседать на землях Ногайской степи, переходя к отгонной форме подвижного скотоводства и земледелию. В основном ногайцы разводили овец и коз, крупный рогатый скот, птицу. Верблюдоводство исчезло в 1960–1970 гг. Общим явлением для Ногайской степи является постоянное сокращение пастбищ. На территории Ставрополя сокращению пастбищных земель способствовала передача больших территорий в аренду корейцам для выращивания арбузов и лука. Экстенсивное использование земли в этой ситуации приводило к выводу больших участков из традиционного землепользования. Все это отрицательно сказалось на продуктивности местного животноводства.

За последние годы в ногайские районы пришли две основные волны переселенцев с сопредельных территорий Северного Кавказа: первая в 1960-е гг., вторая – в последние 10 лет. Переселенцы первой волны считают себя коренными жителями степи; в какой-то степени их таковыми воспринимает и окружающее ногайское население. Вторая волна резко отличается от первой. Ее составляют, как правило, располагающие стартовым капиталом люди, стремящиеся закрепиться на новых землях и организовать рентабельное сельскохозяйственное производство. Многие из них покупают у уезжающих русских и ногайцев дома и укореняются в ногайских поселениях. Что касается миграции в целом, то если учесть, что население Степновского района составляет 23–25 тыс. человек, то фактически за 8 лет механический прирост населения составил около 10%, что, несомненно, в значительной степени сказалось как на социальной сфере, так и на сфере занятости района. Русское население района составляет 69,8% от числа жителей района, ногайцы – 5,8%, даргинцы – 9,5% от населения района. Как свидетельствует статистика, за последние пять лет в миграционном потоке в районе доминировали русские и даргинцы [10].

При очевидной скудности ресурсов восточных районов «переварить» такое количество вынужденных переселенцев без ущерба для уровня жизни и структуры возможностей коренного населения крайне проблематично.

Повышенная трудовая и социальная активность вынужденных переселенцев, обусловленная необходимостью максимально быстро приспособиться к новым условиям жизни, вызывает

раздражение у части местных жителей. Небольшие ссуды, получаемые вынужденными мигрантами на обустройство, иногда создают у местного населения иллюзию того, что к ним государство относится несправедливо, отдавая предпочтение приехавшим людям. В итоге формируется целый ряд предрассудков, осложняющих интеграцию вынужденных переселенцев в местное сообщество [11].

КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕССКАЯ РЕСПУБЛИКА

23 июня 2005 г. около двухсот мужчин – жителей абазинского аула Кубина вышли к дому правительства Карачаево-Черкесской Республики требовать вмешательства федерального центра как гаранта конституционных прав. Причиной акции протеста стала реализация на территории Карачаево-Черкесии закона о местном самоуправлении, который, по мнению пикетчиков, местные этнократии восприняли как предлог для отъема у них исконных земельных угодий. В 2004 г. жители аула Кубина (население 2,5 тысяч человек) отказались от участия в референдуме по укрупнению муниципальных образований. Желание сохранить свой суверенитет они мотивировали тем, что у них и без того уже отобрали около 600 гектаров лучших пахотных земель в пользу соседних карачаевских аулов и они теперь опасаются потерять последнее.

В Карачаево-Черкесской Республике, как и в ряде других республик Северного Кавказа, происходит обострение межэтнических противоречий, стимулированное начавшейся муниципальной реформой в соответствии с Федеральным законом № 131. Этот закон актуализировал на Северном Кавказе целый ряд этнотерриториальных споров, перешедших в латентную фазу в начале 1990-х годов. Первый прецедент возник как раз в Карачаево-Черкесии зимой 2004–2005 гг. Именно здесь столкнулись интересы практически всех этнических групп, живущих в республике: карачаевцев, ногайцев, абазин и черкесов.

Прежде чем перейти непосредственно к анализу конфликта, необходимо выделить несколько основных причин межнациональной нестабильности. Среди таковых можно отметить тот факт, что ни один народ не составляет в республике абсолютного большинства. Во-вторых, Карачаево-Черкесия не так долго, как другие многонациональные республики (Дагестан, Кабардино-Балкария), существовала в качестве единого государственного образования. Во времена СССР длительное время отдельно существовали Карачаевская и Черкесская автономные об-

ласти. Неслучайно требования восстановить Карачай и Черкесию (с возможным присоединением последней к Ставропольскому краю) звучали и в конфликтном 1999 г.

В-третьих, территориальный раздел Карачаево-Черкесии был бы в наши дни крайне затруднен. Причины этому были заложены во время возвращения карачаевцев из сталинской депортации во второй половине 1950-х годов. Желая ускоренными темпами наверстать все то, что было упущено за 13 лет ссылки, карачаевцы не в полном составе вернулись в населенные ими ранее горные и предгорные районы. Среди них был популярен лозунг «Хвали горы, осваивай равнину». В результате сегодня в равнинной части республики черкесские, карачаевские, абазинские и ногайские «сектора» зачастую располагаются вперемешку [12].

Этническая конфронтация в Карачаево-Черкесии не в последнюю очередь обусловлена конфликтом политических элит республики. Проблема власти в Карачаево-Черкесской Республике уходит корнями в 1957 г., когда в связи с возвращением карачаевцев на этническую родину Черкесская автономная область (ЧАО) была вновь преобразована в Карачаево-Черкесскую автономную область (КЧАО) и включена в состав Ставропольского края. Предыдущий опыт совместного проживания народов Карачая и Черкесии в рамках единого государственного образования ограничивался лишь 4 годами: созданную в 1922 г. КЧАО уже в 1926 г. разделили на Карачаевскую автономную область (КАО), Черкесский национальный округ и Баталпащинский район, ликвидированный в 1931 г.

Особое место в конфликтной иерархии республики занимают конфликты, связанные с определением политико-административного статуса двух этнических сообществ – абазинского и ногайского. Особую остроту вопрос имеет в первом случае, так как ногайцы дисперсно расселяются в нескольких республиках Северного Кавказа (в Дагестане у них есть даже своя административно-территориальная единица – Ногайский район), а большинство абазин России проживают именно на территории Карачаево-Черкесии, являясь одним из ее древнейших автохтонных народов.

Следует отметить, что абазины, будучи коренным народом территории, не имели своих территориально-административных единиц ни в составе Российской империи, ни в Советском Союзе. Значительная часть абазин после окончания Кавказской войны присоединилась к мухаджирам, причем имперская администрация с

большой неохотой принимала их обратно [13]. Результатом проводимых имперскими наместниками переселений в 1860–1870-е годы было основание нескольких абазинских аулов на территории современной Карачаево-Черкесской Республики, расположенных некомпактно. В Карачаево-Черкесской автономии, образованной в 1922 г., абазинские села также не были выделены в самостоятельную административно-территориальную единицу.

В значительной степени усилия абазин по оформлению своей административно-территориальной единицы активизировались после распада СССР и выхода Карачаево-Черкесии из состава Ставропольского края. Доминирующая все это время карачаевская элита не спешила выполнять требования абазин, хотя в 2001 г. был принят республиканский закон «О гарантиях прав коренного малочисленного народа абазин в Карачаево-Черкесской Республике», в статье 9 которого, в частности, было указано, что «в местах традиционного проживания народа абазин Карачаево-Черкесской Республики населенные пункты, имеющие общие границы, в которых народ абазин составляет большинство населения, могут быть объединены с согласия населения этих населенных пунктов в административный район».

Требования абазин периодически оформлялись в виде постановлений этнических организаций и конгрессов и нередко носили достаточно безапелляционный характер. К примеру, «абазинский народ оказался вне правового поля Российской Федерации, ни один федеральный закон в отношении малочисленного народа абазин в Карачаево-Черкесской Республике не реализуется», – говорится, в частности, в резолюции Чрезвычайного съезда абазинского народа, прошедшего 27 июня 2005 г. [14].

28 декабря 2004 г. был принят Закон Карачаево-Черкесской Республики «Об установлении границ муниципальных образований на территории Усть-Джегутинского района и наделении их соответствующим статусом». Согласно этому закону, от абазинского аула Кубина в пользу преимущественно карачаевского города Усть-Джегута отторгнуто 1120 гектаров земли, причем как раз там, где расположено одно из крупнейших в мире тепличных хозяйств «Южное», принадлежащее правительству Москвы. Помимо предоставления круглогодично 3 тыс. рабочих мест, оно в качестве налогов ежемесячно отчисляет в республиканский бюджет порядка 8 млн руб. [15].

Естественно, абазины обжаловали данный закон, дошли до Верховного суда РФ, но 22 июня

2005 г. Верховный суд РФ решил оставить закон без изменения. После этого был созван Чрезвычайный съезд абазинского народа, который обязал руководителей администраций всех 13 абазинских аулов, расположенных в пяти районах республики, объявить о немедленном их выходе из состава муниципальных образований и объединиться в абазинский район с отдельным бюджетным финансированием, а также потребовал от властей вернуть отнятые у аула Кубина территории [15].

Жители Кубины отказались участвовать в референдуме по созданию муниципального округа, утверждая, что его создание противоречит интересам абазинского народа. В качестве альтернативного варианта было предложено создать единый Абазинский район. Президент Карачаево-Черкесской Республики М. Батдыев в обращении к жителям Кубины заверил, что их интересы в новом муниципальном округе будут учтены, а также пообещал в будущем способствовать созданию Абазинского района. Его обращение, однако, не повлияло на решимость жителей аула бойкотировать референдум [15].

Затем абазины провели митинг протеста на главной площади Черкесска. Внеочередная сессия парламента 29 июня попыталась пересмотреть закон, но заседание было сорвано ворвавшимися в зал манифестантами. В ситуацию пришлось вмешаться Полномочному представителю Президента РФ в Южном федеральном округе Д. Козаку. В результате 10 июля 2005 г. закон все-таки было решено пересмотреть и создать в Карачаево-Черкесской Республике два национальных района – Абазинский и Ногайский.

Далее республиканский парламент принял ряд документов, которые должны облегчить процесс создания новых районов. 25 декабря 2005 г. состоялся местный референдум по созданию Абазинского района. Референдум по созданию Ногайского района состоялся 28 января 2008 г. Основные технические затруднения в дальнейшем создании районов связаны главным образом с тем, что и абазинские, и ногайские поселения не образуют на территории республики какого-либо слитного анклава.

По данным главы муниципального образования аула Кубина К. Архагова, к территориям, которые должны были быть отчуждены по закону от 28 декабря 2004 г., были отнесены прогоны для скота, сельскохозяйственные угодья, ореховая роща, таким образом, сельчане лишались бы возможности заниматься традиционным крестьянским трудом [16].

По мнению муниципального руководителя, «мы и сейчас уже живем на грани нищеты. По

несколько месяцев люди не получают зарплату. Выживали за счет подсобного хозяйства, а теперь людей лишили и этого. Как содержать даже одну корову, если нет пастбищ?» [16]. Единственное действовавшее на территории аула сельскохозяйственное предприятие в марте 2006 года объявило о банкротстве.

По данным главы аула, на 2005 г. в Кубине проживало около 2,4 тыс. человек, более 60% занятого трудоспособного населения работало на тепличном комбинате «Южный». В Кубине есть одна школа на 220 детей и один детский сад на 20 детей [16].

Таким образом, непосредственной причиной эскалации статусных требований абазин к руководству Карачаево-Черкесской Республики была угроза традиционному экономическому укладу абазин и их этноэкономическим интересам.

По мнению депутата Народного собрания республики Ислама Крымшамхалова, «перedel земли в Карачаево-Черкесской Республике может перерасти в национальный конфликт... Ситуация, которая сложилась вокруг аула Кубина, типичная. Подобная картина наблюдается и в Адыге-Хабльском районе, где тяжба за землю идет между черкесами и ногайцами. Все это говорит о том, что, прежде чем принимать закон, нужно было сто раз подумать, как он будет реализовываться в таком сложном регионе, как Северный Кавказ. И вряд ли вопрос будет решен в пользу абазин: в Усть-Джегутинском образовании, которому передаются земли Кубины, проживают в основном карачаевцы, а их в парламенте абсолютное большинство» [17].

Один из активистов абазинского движения К. Евгамуков заявлял с еще большей прямотой о том, что «карачаевские и черкесские этнократии игнорируют конституционные права абазин. Мы подвергаемся принудительной ассимиляции – наши земельные угодья отбирают, а сельхозпредприятия намеренно уничтожают, чтобы выгнать нас с исконных мест обитания в поисках куска хлеба в город. Если власти не откликнутся на наши проблемы, мы оставляем за собой право на масштабные акции протеста и жалобы в международные правозащитные институты» [17].

Следует отметить, что на действия абазин весьма болезненно и жестко отреагировали карачаевцы, которые уже 30 июня 2005 г. провели серию массовых митингов в местах своего компактного проживания. Откровенное давление, оказываемое абазинским сообществом на президента республики М. Батдыева, актуализировало вопрос о возможности утраты карачаевцами главного поста в Карачаево-Черкесии. По их

мнению, для карачаевского этноса может возникнуть серьезная угроза, заключающаяся в том, что черкесы и абазинцы могут овладеть ситуацией и провести на самый высокий пост в Карачаево-Черкесии своего не только ангажированного, но и родственного по крови кандидата. И потому на карачаевских митингах звучали обвинения абазин в нарушении межнационального согласия и разжигании межнациональной розни. Помимо этого был проведен объединительный Конгресс карачаевского народа, на котором была сделана попытка объединить политически разобщенную этноэлиты карачаевцев [18].

Таким образом, конфликт, сторонами которого были республиканские власти и абазинское сообщество, стал приобретать черты межэтнического противостояния, особенно когда одним из объектов конфликта стал властный ресурс, находившийся в распоряжении карачаевского сообщества.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРИЧИН КОНФЛИКТОВ

При рассмотрении любого локального этнического конфликта необходимо выделить три уровня причин локальных этнических конфликтов.

Во-первых, это *макропричины*, под которыми понимается среда конфликта и присутствующие в ней конфликтогенные факторы, неподконтрольные как самим участникам конфликта, так и тем государственным и общественным структурам, которые предпринимали меры по его разрешению. В анализируемом конфликте макропричинами являются ухудшение общего климата межэтнических отношений в регионе, две чеченские войны, очевидная неспособность федерального центра в течение десятилетия определиться с приоритетами национальной политики в регионе и внятно донести их до жителей Северного Кавказа.

К макропричинам следует отнести утрату населением доверия к государственным структурам и правоохранительным органам, паллиативные решения которых в постконфликтных ситуациях вызывают недоумение и недовольство всех сторон конфликта. Открытое противостояние казачества и главы Степновской районной государственной администрации, вылившееся в многодневную голодовку протестующих, наглядно демонстрирует уровень недоверия к местным органам власти, не только не предпринимающим необходимых мер к упорядочению ситуации с регистрацией и налогообложением фермеров-даргинцев, но и не желающим (или не спо-

собным) создавать механизмы предотвращения межнациональных конфликтов на территории района.

Еще более очевиден кризис в отношениях между населением и властными структурами в Карачаево-Черкесской Республике. Политическая власть в республике стала значимым ресурсом в межгрупповом взаимодействии, причем учитывая клановый характер социально-экономических отношений, она становится основным ресурсом, позволяющим обеспечивать высокую статусность и безопасность тому этническому сообществу, которое им располагает. В этом плане требования абазин об отставке президента Батдыева вместе с вопросом о создании Абазинского муниципального района были восприняты частью карачаевского сообщества как посягательство на их этноэкономические интересы.

Результатом является нарастающее чувство небезопасности людей, которое, с одной стороны, формирует потребность людей в объединении на основе определенных признаков (а в обществах с малым демократическим опытом и несформировавшимся гражданским обществом наиболее подходящей основой для такого объединения является этничность), а с другой создает благоприятные условия для манипулирования общественным сознанием и действиями конкретных людей.

Отдельно среди макропричин необходимо обозначить ухудшение материального положения людей, продолжающийся экономический кризис, распад структур, ранее обеспечивавших занятость большой массы людей.

Также нужно отметить институциональные причины, выраженные в упомянутом постановлении Совета Министров СССР о передаче части земель на востоке края в пользование дагестанским сельхозпроизводителям «навечно».

В Карачаево-Черкесии среди макропричин также следует выделить упорную борьбу этнических элит за обладание властным ресурсом и сопряженные с этим вопросы статусности. Примечательно, что правящая карачаевская элита, вынужденная идти на определенные уступки ради получения политической поддержки абазин, институционально закрепляла их особый статус, что в целом позволяло абазинскому движению укрепить институциональную основу своих требований.

Эти и другие причины не имеют локального характера, многие из них действуют на всей территории России, обуславливая повышенный этноконфликтный фон, действие же других охватывает территорию лишь Северного Кавказа, хотя их конкретная манифестация имеет в каж-

дом из субъектов РФ на Северном Кавказе свою специфику.

Также необходимо выделить так называемые *мезопричины*, то есть причины «среднего уровня», под которыми будут пониматься местные условия деятельности субъектов – носителей конфликта (имеются в виду ногайская, русская и даргинская общины Степновского и других восточных районов края, этнические элиты и сообщества Карачаево-Черкесии). Многие из этих факторов не имеют этнической природы, однако их распределение, сочетание и действие в разных частях территорий различны. Прежде всего это неравномерное ухудшение экономической ситуации в восточных районах края и в сельских районах Карачаево-Черкесской Республики, резкое социальное расслоение и формирование этносоциальной стратификации, в которой ногайцы (и абазин), несмотря на свой статус автохтонов территории, оказались далеко не на самых высоких позициях. Это привело к нарастанию ощущения депривации у значительной части ногайского и абазинского населения и требованиям изменения структуры экономических и социальных возможностей в местах традиционного проживания ногайцев Ставрополя и абазин Карачаево-Черкесской Республики.

Также нужно выделить тот факт, что если русское население в случае этнической сукцессии в местах его проживания на востоке края и в Карачаево-Черкесской Республике стремится выехать в другие районы края, а в случае с Карачаево-Черкесской Республикой – за пределы республики или в глубь России, сохраняя определенные шансы на трудоустройство, то ногайцы и абазин, вытесненные из своей этнопрофессиональной ниши, вряд ли имеют возможность трудоустроиться на других территориях.

Что касается *микрочин* конфликтов, то в каждом манифестном эпизоде они имели определенные особенности, зависящие от повода, конкретных обстоятельств, психологических типов и настроения участников массовых столкновений, однако, как показывает практика, очевидной стала тенденция к оперативной мобилизации сторон по этническому признаку и готовности к насильственным действиям в отношении оппонентов. Не исключено, что часть конфликтных эпизодов была инспирирована внешними акторами, однако если бы конфликтная готовность противостоящих сторон не была столь высока, вряд ли удалось бы придать акциям подобную массовость.

Следует отметить, что несмотря на всю глубину противоречий, данные конфликты в прин-

ципе разрешимы, причем основным агентом, способным создать условия для его разрешения и предотвращения его перехода в категорию конфликтов ценностей, является региональная государственная власть и органы местного самоуправления при возможном посредничестве федерального центра как единственного источника институциональных новаций. Как отмечено в одной из публикаций, «государство должно взять ситуацию под контроль и управлять происходящими процессами. Пока же эту функцию оно не выполняет, предпочитая лечить симптомы, а не болезнь – наказывать участников стычек, но не искоренять их причины» [19].

Также для снижения этноконфликтной напряженности целесообразно обратиться к опыту консociальной демократии в многосоставных обществах [20]. Как отмечал А. Лейпхарт, «сотрудничество элит – первая и основная отличительная черта консociальной демократии» [20]. В этом плане нужно отметить, что у органов государственной власти края, республики и Южного федерального округа уже наработан определенный позитивный опыт по организации межэлитного взаимодействия в конфликтных территориях. Как показывает практика, в большинстве случаев инициированный властями межэлитный диалог и кооперация в действиях по деэскалации конфликта и выработке принципов совместного бесконфликтного существования достаточно продуктивны, причем не только в плане воздействия на конкретные конфликтные ситуации, но и в отношении закрепления в сознании элит паттернов успешного взаимодействия и культуры ведения диалога с иноэтническими элитными группами.

Что касается постконфликтной реабилитации населения, то основной задачей здесь является восстановление авторитета власти как *единственного арбитрающего актора*, способного принять решение и привлечь к ответственности зачинщиков массовых беспорядков вне зависимости от их национальной принадлежности или субъективного отношения к ним и подойти к проблеме в целом с точки зрения государственных интересов. Разумеется, для этого необходимо в значительной степени пересмотреть тот набор методов, подходов и приемов, которые на сегодня преобладают в арсенале органов власти, однако если власть не сумеет обеспечить свое доминирование в процессе разрешения данного конфликта, то неизбежна не только его эскалация, но и появление иных акторов, преследующих собственные цели, далекие от интересов как самих народов, так и Российской Федерации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. <http://www.kchr.info/?page=demograph>.
2. Авксентьев В.А., Бабкин И.О., Медведев Н.П., Хоц А.Ю., Шнюков В.В. Ставрополь: этноконфликтологический портрет. Ставрополь, 2002. 138 с.
3. Рязанцев С., Свечникова Л. Ставропольский край. Модель этнологического мониторинга. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, EAWARN, 2001 // http://www.eawarn.ru/pub/Most/Stavropol/most_stavropol03.htm#_ftn1.
4. Лезвина В., Лунашко А. Степновские «разборки» // Ставропольская правда. 14 мая 2003 года.
5. Конфликт на Ставрополье возник в условиях недоверия власти // ИА REGNUM <http://regnum.ru/news/316628.html>.
6. Колесникова О. В Степновском районе голодают казаки // Комсомольская правда на Северном Кавказе. 9 июня 2004 года.
7. Авксентьев В.А. Феномен этнопрофессионализма и этнические процессы на Северном Кавказе // Проблемы населения и рынков труда России и Кавказского региона. Москва – Ставрополь, 1998. С. 74.
8. Памятная книжка Ставропольской губернии на 1919 г. Ставрополь: Ставроп. губ. стат. комитет, 1919. С. 38.
9. Авксентьев А.В., Авксентьев В.А. Северный Кавказ в этнической картине мира. Ставрополь, 1998. 68 с.
10. Белозёров В.С. Миграция и этнодемографические процессы на Северном Кавказе. Ставрополь, 2000. 190 с.
11. Аненко В.Н. Миграция населения в Ставропольском крае // Вестник СевКавГТУ. Серия «Гуманитарные науки». 2004. № 1 (11). С. 47.
12. Казенин К. Крепок ли тыл России на Северном Кавказе? Часть 3. Карачаево-Черкесия // <http://www.regnum.ru/allnews/326971.html>.
13. Тхайцухов М.С. Очерки истории абазин конца XVIII–XIX вв. Сухум: Алашара, 1992. С. 74.
14. <http://www.abazashta.com/lib/articles/649/5090>.
15. Сухов И. Горячее многоточие. На Кавказе идет муниципальная реформа с применением огнестрельного оружия // Время новостей. 21.07.2005.
16. <http://www.regnum.ru/news/620830.html>.
17. Бондаренко М. От Батдыева требуют территориального передела // Независимая газета. 2005-06-29.
18. Гудимов А. Причерноморская губерния – реальность и мифы // Южный Федеральный. № 32 (207) 30.08 – 06.09.2005.
19. Букина М. Земельный передел. На юге Ставропольского края назревает этническая война // Эксперт. 2000. № 9.
20. Лейпхарт А. Демократия в многосоставных обществах. М., 1997. 286 с.

**COMPARATIVE ANALYSIS OF PATTERNS
OF LOCAL ETHNO-ECONOMIC
CONFLICTS IN STAVROPOL KRAI AND REPUBLIC
OF KARACHAYEVO-CHERKESSIYA**

A.A. Sanglibaev

The causes of ethnic conflicts in the Northern Caucasus are studied in the paper. Special attention is paid to the conflicts, related to land tenure problems. Mechanism of multilayer determination of local conflicts is analyzed.

Key words: ethnic conflicts, Northern Caucasus.

REFERENCES

1. URL: <http://www.kchr.info/?page=demograph>. (In Russian).
2. Avksent'ev V.A., Babkin I.O., Medvedev N.P., Khots A.Yu., Shnyukov V.V. 2002. *Stavropol'e: etnokontfliktologicheskiy portret*. [Stavropol, ethnic conflicts portrait]. Stavropol: 138 p. (In Russian).
3. Ryazantsev S., Svechnikova L. 2001. *Stavropol'skiy kray. Model' etnologicheskogo monitoringa*. [Stavropol region. Model Ethnic Monitoring]. Moscow, Institute of Ethnology and Anthropology RAS, EAWARN. URL: http://www.eawarn.ru/pub/Most/Stavropol/most_stavropol03.htm#_ftn1. (In Russian).
4. Lezvina V., Lupashko A. 2003. Stepnovskie "razborki". *Stavropol'skaya pravda*. May 14, 2003. (In Russian).
5. [The conflict arose in the Stavropol region in the conditions of mistrust of authority]. IA REGNUM (Information Agency REGNUM). URL: <http://regnum.ru/news/316628.html>. (In Russian).
6. Kolesnikova O. 2004. [In the area of Stepnovsky hungry Cossacks]. *Komsomol'skaya pravda na Severnom Kavkaze*. June 9, 2004. (In Russian).
7. Avksent'ev V.A. 1998. [The phenomenon is the professionalism and ethnic processes in the North Caucasus]. In: *Problemy naseleniya i rynkov truda Rossii i Kavkazskogo regiona*. [Problems of population and labor markets of Russia and the Caucasus region]. Moscow; Stavropol: 74. (In Russian).
8. *Pamyatnaya knizhka Stavropol'skoy gubernii na 1919 g.* [The memorial book of the Stavropol province in 1919]. 1919. Stavropol: 38. (In Russian).
9. Avksent'ev A.V., Avksent'ev V.A. 1998. *Severnnyy Kavkaz v etnicheskoy kartine mira*. [North Caucasus in the ethnic picture of the world]. Stavropol: 68 p. (In Russian).
10. Belozarov V.S. 2000. *Migratsiya i etnodemograficheskie protsessy na Severnom Kavkaze*. [Migration and demographic processes in the North Caucasus]. Stavropol: 190 p. (In Russian).
11. Anenko V.N. 2004. [Population migration in the Stavropol Territory]. *Vestnik SevKavGTU. Seriya: Gumanitarnye nauki*. 1(11): 47. (In Russian).
12. Kazenin K. Krepek li tyl Rossii na Severnom Kavkaze? Chast' 3. Karachaevo-Cherkesiya. [Does the rear strong Russia in the North Caucasus? Part 3. Karachay-Cherkessia]. URL: <http://www.regnum.ru/allnews/326971.html>. (In Russian).
13. Tkhaytsukhov M.C. 1992. *Ocherki istorii abazin kontsa XVIII–XIX vv.* [Essays on the History Abaza end of XVIII–XIX centuries]. Sukhum, Alashara Publ.: 74 p. (In Russian).
14. URL: <http://www.abazashta.com/lib/articles/649/5090>. (In Russian).
15. Sukhov I. 2005. Goryachee mnogotochie. Na Kavkaze idet munitsipal'naya reforma s primeneniem ognestrel'nogo oruzhiya. [In the Caucasus is a municipal reform with a firearm]. *Vremya novostey*. 21.07.2005. (In Russian).
16. URL: <http://www.regnum.ru/news/620830.html>. (In Russian).
17. Bondarenko M. 2005. Ot Batdyeva trebuyut territorial'nogo peredela. [From Batdyev requires territorial adjustment]. *Nezavisimaya gazeta*. 2005-06-29. (In Russian).
18. Gudimov A. 2005. Prichernomorskaya guberniya – real'nost' i mify. [The Black Sea province, the reality and myths]. *Yuzhnyy Federal'nyy*. No 32 (207). August 30 – September 2005. (In Russian).
19. Bukina M. 2000. Zemel'nyy peredel. Na yuge Stavropol'skogo kraya nazrevaet etnicheskaya voyna. [Redistribution of land. In the south of the Stavropol Territory is brewing ethnic war]. *Ekspert*. No 9. (In Russian).
20. Leypkhart A. 1997. *Demokratiya v mnogosostavnykh obshchestvakh*. [Democracy in societies multicomponent]. Moscow: 286 p. (In Russian).